

Сегодня — первый раз за все лето, когда я вижу Миллера. Он в смокинге, и он идет мне навстречу.

— Чрезвычайная ситуация, — говорит Марен и оттаскивает меня в коридор, где располагаются математические классы.

В школе стоит тишина — до начала занятий больше недели; сегодня открыто лишь для старшеклассников, защищающих свои выпускные проекты. В тот самый момент, когда я решаю осторожно выглянуть из-за угла, Миллер поднимает голову. Под мышкой у него зажата книга в матерчатом переплете. Он видит нас и прищуривается.

— Марен, — скованно кивает он, проходя мимо.

Меня Миллер словно не замечает, и я притворяюсь, что внимательно рассматриваю шкафчик, к которому придавлена по-другой. Над замком слабо, но все-таки просматривается полукружье стертой надписи «дебил».

— Миллер, — ледяным тоном отвечает Марен.

Едва он проходит, она показывает ему вслед язык и развязно выставляет бедро. Я видела Миллера последний раз в мае, с тех пор он постригся и вместо обычных лохм у него сбритые виски, а волосы на макушке зачесаны волной, будто он мечтает стать солистом мальчиковой музыкальной группы.

— Тошнотный смокинг, — бормочу я себе под нос, и Марен насмешливо фыркает.

— А что еще он мог надеть на защиту своего проекта? — Рука Марен все еще продета в мою, она тянет меня в центральный холл. Там пусто, сквозь высокие окна, выходящие на парковку, струится свет позднеавгустовского солнца. — Этот парень никогда ни в чем не знает меры.

Я слышу удаляющийся стук его каблуков. Мерный, ровный шаг, не сбившийся при встрече со мной.

— Спокойно, Ро. — Марен легонько пихает меня локтем в бок. — Не дай ему испортить тебе настроение.

— Он не испортил, — отвечаю я, хотя сердце мучительно сжимается, как бывает только при встрече с Миллером. Наверное, это естественная реакция на его глубочайшую ненависть. — Я готова.

— Отлично, — говорит она и подталкивает меня вперед.

Мы оказались в конце коридора, перед нами — дверь в актовый зал, к ней приклеен скотчем бумажный листок:

Выпускные проекты. Группа «А» 12:00–17:00

— Еще раз спасибо за то, что пошла со мной, — говорю я Марен. Она могла бы и не ходить, ведь до конца лета осталось всего несколько бесценных дней. Но она здесь, как всегда рядом.

— Ты же знаешь, что я ни за что не пропустила бы это событие. — Марен широко распахивает передо мной дверь. — А теперь пойдем. Не тяни. Будущее ждет.

Я могла бы отложить выпускной проект до мая. Та же Марен до сих пор не придумала тему. Но вот пожалуйста — десять дней

до начала выпускного года, а я сижу в зале, полном учителей, которых можно совершенно официально не слушать еще целую неделю. Мои непокорные волосы забраны в тугую пучок, а пальцы ног стиснуты лодочками, которые Марен заставила меня взять у нее для этого случая.

Я могла бы подождать до мая, как остальные выпускники. Но у остальных не стоит над душой отец, требуя, чтобы они подали заявление о приеме в колледж, независимо от того, хочется им этого или нет. Остальным не пришлось целое лето — буквально каждую свободную минуту — делать проект. Мне было бы сложно работать над ним в течение учебного года, когда восемь часов любого дня расписаны заранее и плюс еще домашние задания. Поэтому летом я по ночам писала программу, по утрам изучала с Верой поведенческую психологию, да и все оставшееся время старалась использовать с умом.

И мне точно потребовалось больше времени на подготовку, чем Миллеру, но, когда я вышла на сцену, на экране за моей спиной все еще светился слайд с темой его проекта, источая на весь зал феромоны отличника. На белом фоне шрифтом *Times New Roman* — название:

Второй герой «Илиады»:
Великая война глазами Гектора.
Алистер Миллер
Старшая школа Свитчбэк-Ридж
Группа «А», выпускной проект

Ну ботан, блин.

— Можешь поставить мой проект? — шиплю я второкурснику, отвечающему за вывод презентаций на экран.

Он сидит в первом ряду, скинув обувь, в руке у него пластиковый стакан со смузи размером с мою голову. Прежде чем взглянуть на меня, парень делает большой глоток.

— Имя?

— Роуз Деверо, — отвечаю я.

Через несколько ленивых кликов мышью на экране высвечивается моя презентация. За спиной парня со смузи сидит комиссия из шести учителей, а позади всех, по центру зала, уютно поджав под себя ноги, расположилась Марен. И больше никого. Пусто, как в Антарктиде. В классе было бы комфортней, но нет, я выступаю перед девяносто двумя пустыми креслами. «Включите аплодисменты», — думаю я, и тут входит папа.

Он придерживает дверь для семенящей следом за ним Веры, и я вижу, как она старалась, собираясь сюда: стянула в аккуратный пучок облачко седых волос, надела сиреневый вязаный костюм, приколола любимую брошку в виде цветка аквилегии. Марен машет им, приглашая сесть рядом, и папа подставляет Вере руку, чтобы помочь ей пробраться по узкому проходу. Сам он даже не снял фартук, и я почти уверена, что на лице у него — брызги от взбитых сливок.

— Роуз? — окликает меня учитель английской литературы мистер Гупта.

Я представляю, как он восторженно тарачил глаза на Миллера с его псевдоинтеллектуальными литературными выкрутасами, и поэтому не слышу продолжения. Мистеру Гупте приходится повторить:

— Я сказал, что мы готовы слушать и ждем только тебя.

— А, да.

Я крепко стискиваю края кафедры. Передо мной веером разложены листочки с записями, но я вызубрила текст до такой степени, что могу рассказать его, даже если меня разбудят посреди ночи. Папа из зала показывает мне большие пальцы. «Это все только ради тебя, так что слушай внимательно», — думаю я.

— Я люблю компьютеры. — Наклоняюсь к микрофону, и мой голос наполняет зал, подобно гласу Божьему. — Я всегда их любила. И, как ни странно, люди похожи на компьютеры гораздо больше, чем мы думаем.

Тут парень со смузи, поперхнувшись воздухом из соломинки, сгибается пополам и начинает кашлять в ладонь. Приходится переждать. Наконец все шесть учителей снова поворачиваются ко мне, и я говорю им то, что в течение многих лет слышала от Веры:

— Человеческое поведение предсказуемо на девяносто три процента. — Делаю эффектную паузу. — И теоретически, если знать все о происхождении и воспитании какого-либо человека, можно точно предугадать его поведение в разных ситуациях. Поэтому я создала приложение, которое, получив ответы на

определенные вопросы, может предсказать ваше будущее. Оно называется «ПАКС».

Марен издает громкий возглас, и на экране возникает анимированный логотип, который она же и помогала мне придумать: буквы П, А, К, С, вписанные в квадрат, а над ними вращается нарисованная от руки спираль.

— Я взяла за основу идею детской игры «Палаццо, Апартаменты, Квартира, Сторожка» и добавила к ней анкету, составленную с учетом научных данных. Проанализировав ответы человека на вопросы анкеты, приложение очень точно предсказывает его будущее. Анкету я делала вместе с Верой Кинкейд, известным психологом-бихевиористом. После того как вы отвечаете на все вопросы, «ПАКС» обрабатывает ваши данные и выдает информацию по четырем основным аспектам вашего будущего: город, где вы будете жить; профессия; количество детей и ваш партнер.

Честно говоря, я покрылась мурашками от собственных слов. Учителей тоже явно зацепило — некоторые уставились на меня, забыв моргать.

— Я, пожалуй, не буду рассказывать дальше про «ПАКС», я вам его покажу. — Спускаюсь с кафедры, доставая телефон из кармана. — Если вы не против, загрузите «ПАКС» из *App Store* и посмотрите сами.

— Роуз... — Мисс Томпсон смотрит на меня поверх очков. Телефон светится в ее руке; программа грузится. — Насчет предсказания. Это действительно возможно? В смысле, точно предсказать?

— Ну да, — отвечаю я и, не удержавшись, улыбаюсь. — Это действительно возможно.

* * *

— Ты потрясла их до глубины души, — заявляет Марен, скидывая биркенштоки и укладывая ноги на приборную панель. — Помнишь голос Гупты, когда «ПАКС» предсказал, что ему суждено стать писателем? Я думала, он сейчас расплатится.

— Я думала, что сама расплачусь, — говорю я, выводя пикап на шоссе. — Поверить не могу, что все уже закончилось.

— Тебе удалось повернуть это дело. — Марен откидывает голову на спинку сиденья. Подголовник давно сломался, но Марен — маленькая: если сползает немного на кресле, попадает головой как раз куда надо. — Свершилось чудо из чудес.

Самое чудесное чудо из всех чудес. Я почти не спала этим летом — с утра мы с Верой занимались наукой, по ночам я писала программу, а потом с тревогой ждала, примет ли *App Store* тестовую версию моего приложения. Возможность кликнуть на иконку «ПАКС» в *App Store* у себя на телефоне — да, это и правда чудо из чудес.

— Остается только надеяться, что мне удалось убедить папу.

— Разве может быть иначе? — смотрит на меня Марен. Послеполуденное солнце придает ее волосам розоватый оттенок. — Ты нашла способ увидеть будущее, Ро. За три месяца сама написала программу. — Ее брови удивленно взлетают, прячась под челкой. — У тебя талант, и тебе не нужна степень бакалавра, чтобы это доказать.

— Я с тобой полностью согласна. — Останавливаюсь на перекрестке у подножия холма. В Свитчбэк-Ридж нет ни одного светофора. — Можешь повторить это еще раз, только сделай запись и отправь моему папе.

Она смеется и, опустив стекло, выставляет локоть наружу.

— Нет уж. Но готова поспорить, если твой папа заполнит анкету, приложение сообщит, что в один прекрасный день он откроет собственный ресторан. И папа на радостях разрешит тебе все что угодно.

Я вздыхаю, но не решаюсь произнести вслух то, о чем думаю. Что, если он заполнит анкету, а приложение не предскажет ресторан? Мы с папой это не переживем. Папа унаследовал кофейню «Бобы на озере» от своего отца, а тот — от своего. Три поколения Деверо поили кофе жителей Свитчбэк-Ридж, только папа еще дополнительно выучился на кулинара. Он всегда мечтал о собственном ресторане, но готовит лишь двойной мокко, изредка — жареный сыр и маффины во всех видах. А вот чего у него никогда не было, так это денег. Как-то так.

— А ты когда заполнишь анкету? — спрашиваю я.

Нам сигналият. Повернув головы, мы видим папу, который проезжает мимо на внедорожнике и машет нам рукой. Рядом с ним на переднем сиденье — Вера.

— Говорю же, никогда, — отвечает Марен, закатывая глаза. — Мое будущее — это тайна. Пусть оно таким и останется.

— Справедливо, — соглашаюсь я. — Но дело в том, что твоя лучшая подруга сама, своими ручками, создала приложение, и было бы очень по-подружески проверить его на себе. Вот и все.

— Я тебя о-очень люблю, — говорит Марен, выделяя «о». — Ужасно. Но существуют вещи, которые мы знать не должны.

Я отмахиваюсь:

— Кое-кто предпочитает иметь некоторое представление, ну да ладно.

— Доведи до ума часть про партнера, тогда снова обсудим этот вопрос, — смотрит на меня Марен. — Я вполне готова закрыть тему свиданий на всю оставшуюся жизнь, если заранее вычислю своего партнера. А потом, когда буду готова к встрече, найду его.

Партнеры — моя основная проблема. Мне удалось полностью закончить работу над тремя категориями поиска — город, работа и количество детей. (Мои собственные результаты: Сан-Хосе, разработчик программного обеспечения, ноль. Проверить, проверить, проверить.) Всю эту информацию можно спокойно почерпнуть из ответов одного человека. Но чтобы найти ему партнера, требуется больше участников анкетирования, больше людей, из которых приложение будет составлять пары. Получить их согласие, загрузить данные анкет и дать алгоритму объединить их по двое. Я многое способна сделать сама, но только не это. И очень жаль, потому что самым интересным в игре «ПАКС» всегда был поиск жениха или невесты.

В средней школе я часто оставалась у Марен с ночевкой, и ее мама учила нас всему, чему моя не могла научить меня по причине отсутствия. Мама Марен показывала, как плести французскую косу, объясняла, когда выключить микроволновку, чтобы попкорн не подгорел, и, самое главное, играла с нами в «ПАКС» —

бумажную гадалку, которая была популярна в ее детстве, в восьмидесятые годы.

Мы выбирали несколько категорий, и каждая составляла для них свои списки: четыре города, в которых хотелось бы жить; четыре профессии, о которых мечтаешь; четыре мальчика, сводящих тебя с ума. Четыре цифры — каждый раз новые, — обозначающие количество твоих будущих детей. И, конечно, постоянная категория: палаццо, апартаменты, квартира, сторожка.

Затем одна из нас начинала рисовать в нижней части страницы спираль. Рисовала до тех пор, пока другая не говорила «стоп». После этого мы подсчитывали количество окружностей в спирали от края к центру и с помощью получившейся цифры вычисляли в каждом списке один из вариантов нашего далекого взрослого будущего.

Мы веселились, узнав, что я, например, буду жить в палаццо на берегу моря во Флориде и что у меня будет шестеро детей. Но выяснить имя будущего мужа — это было круче всего! Мы записывали на листках имена самых симпатичных мальчиков в классе, не включая неудачные варианты (те несколько раз, когда Марен потихоньку внесла в мой список Миллера, не в счет).

Мы смутно догадывались, что это не совсем этично. Было очевидно, что ни одна из нас не выйдет замуж за Эли Кима, мечту всей средней школы Свитчбэк-Ридж, и не будет жить с ним в квартире в Нью-Йорке. Вряд ли кому-то из нас предстояло переехать в Сан-Диего, чтобы стать ведущим орнитологом в зоопарке. И все это было еще до того, как Марен призналась мне, что она — би. У нас в списках вообще не было девочек.

Все это были фантазии чистой воды, но в тот момент, когда мы видели их четко записанными на листе бумаги, все казалось возможным и наше будущее сверкало, как новенькая монетка. Мы словно разливали мечты по бокалам и пили их залпом.

Мне хотелось перенести эти ощущения в свое приложение, и у меня почти получилось — на семьдесят пять процентов.

— Вряд ли тебе удастся найти пару через мое приложение, — говорю я Марен. — Ну разве что миллион человек загрузит себе мою тестовую версию вместе со всеми багами.

— Уж и помечтать нельзя, — дергает плечом Марен.

Я останавливаю пикап на ее подъездной дорожке — посыпанной красным песком, с торчащими сосновыми корнями, — Марен сует ноги в туфли и выскакивает из машины.

— Слушай. — Она заглядывает в открытое окно. Ее лицо сплошь усыпано веснушками. — Удачи с папой. У тебя все получится.

— Конечно, — отвечаю я, разворачивая машину. — У меня обязательно получится.

02

Короче, у меня не получилось. Это становится очевидным, как только папа ставит передо мной тарелку праздничной пасты карбонара со словами:

— Я так горжусь тобой, Ро. Это даст тебе фору, когда будешь подавать документы на поступление в колледж.

Я смотрю на Веру, но та лишь молча улыбается. Она тоже за поступление в колледж, предательница.

— погоди, — говорю я. Вера подвигает ко мне контейнер с пармезаном, но я даже не притрагиваюсь к нему. — Ты видел, что я сделала. Мне не нужен колледж; я и так способна создать все, что захочу. С какой стати тратить кучу денег на учебу, если можно сразу устроиться на работу?

— Ро. — Папа трет лоб. — То, что ты сделала, потрясающе. Так давай отметим это событие. Совершенно не обязательно ссориться из-за твоего отъезда из Колорадо прямо сейчас. Давай...

— Я не собираюсь ссориться. — Я примирительно вскидываю ладони, и шрам на моем предплечье поблескивает в свете лампы. — Просто говорю: мой проект доказывает, что мне не нужен колледж. Только ради этого я его и делала.

— Только ради этого? — повторяет папа, вскидывая брови.

— Нет, — твердо произносит Вера. Ее силуэт четко вырисовывается на фоне окна, за которым солнце опускается между

сосен. — Ты сделала это для себя, Розы. У тебя родилась отличная идея, и тебе захотелось поработать над ней.

Я издаю стон. Она, как всегда, права. Вера была нашей соседкой еще до того, как мои родители поженились, и когда я родилась, и когда от нас ушла мама. Большую часть своего детства я провела в ее гостиной, полной книг, перед печкой, топившейся дровами. Пока папа работал, Вера рассказывала мне о мозге. О том, что значит быть человеком — фактически и биологически.

Она заведовала лабораторией поведенческих исследований в университете в Боулдере, но ушла оттуда, когда мне исполнилось пятнадцать, — больше не выдерживала темп работы из-за своей онкологии. После этого она учила только меня. Я умоляла ее поделиться со мной всеми знаниями в мельчайших подробностях: о предсказуемости действий человека, о врожденных моделях поведения и паттернах, которым мы следуем. Вместо отсутствующей матери меня растила и воспитывала Вера. Я была ее последовательницей и ученицей; она делала мне сэндвич с арахисовым маслом, а потом объясняла, что существует логическое объяснение любому нашему необдуманному, эмоциональному выбору. Я слушала, сжимая кулаки так, что белели костяшки. Я никогда не упоминала о матери, но упорно надеялась, что найду среди всех этих паттернов тот, который объяснит, почему она меня бросила.

— Ну хорошо, — соглашаюсь я, — у меня была причина. И очень уважительная.

— Ешь давай пасту, — говорит папа, но уже с улыбкой. На его щеках темнеет вечерняя щетина, вокруг глаз собрались смешливые морщинки. — Поспорим об этом завтра.

Через час папа провожает Веру домой, они идут по гравийной дороге к ее дому, расположенному в конце улицы. Я смотрю на них через арочные окна; папина рука согнута в локте, чтобы Вера, которая ступает медленно и осторожно, могла за нее держаться.

Папа всегда мечтал о моем поступлении в колледж, а я никогда этого не хотела. Ведь если я перееду в Кремниевую долину и устроюсь на работу, решатся все наши проблемы. У меня появятся деньги; со временем наберем и на папин ресторан. А если я поступлю в колледж, все отодвинется на четыре года да еще папа залезет в долги. По-моему, все ясно. Но папа очень упрямый. Мы оба такие.

Жужжит телефон — пришла эсмэска от Марен.

Как успехи?

Мысленно отвечаю: «Никак». Но я пока слишком расстроена, чтобы это обсуждать. Пересекаю гостиную и шлепаюсь спиной в подушки на старенькую бугристую тахту, спугнув Эстер. Ей уже восемь лет. Мы нашли ее когда-то на заднем дворе кофейни. Она полосатая, с колкими усами и вредным характером, но все равно наша любимица.

Эстер шипит и сворачивается клубком, давая понять, что не желает со мной общаться.

— Сама такая, — говорю я и, разблокировав телефон, захожу в инстаграм*.

Почти восемь вечера, предпоследняя пятница лета. У меня в ленте полно фотографий людей у костра на берегу озера, или в Скалистых горах, или сидящих в обнимку на капоте машины. Все нормально, все как обычно. Но тут я внезапно вижу ее.

Сойер — моя двоюродная сестра двадцати трех лет от роду, обладательница счастливого набора генов; она ослепительно красива. Закончив Университет Миннесоты, сестра посчитала ниже своего достоинства устроиться на обычную должность начинающего специалиста и вместо этого стала вести блог о своей жизни. Обычно она рекламирует миллионной без малого аудитории кремы для глаз. Но сейчас, когда я просматриваю видео с ее лицом, что-то меня цепляет. Я не сразу понимаю, что именно. Логотип «ПАКС» крупным планом в верхнем уголке экрана. Я включаю звук.

«Привет, крошки! — говорит Сойер. У нее накладные ресницы, а губы блестят, как обертка от двух палочек “Твикс”. — Сёдня мне хочется поделиться с вами кое-чем другим. Ну что, поехали?»

Она таращит зеленые глаза, ресницы торчат во все стороны. Интересно, когда она начала говорить «сёдня»?

«Короче, появилось новое приложение под названием “ПАКС”, и это самая крутая штука из всего, что я видела. — Она наклоняется к камере и, приставив ладонь ко рту, заговорщически шепчет: — Признаюсь, я не совсем объективна, поскольку

* Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook) запрещена на территории РФ.

это приложение создала моя гениальная младшая двоюродная сестренка. Ну вы все наверняка помните игру, которой мы увлекались в детстве. Ту, где надо рисовать спираль на листке бумаги и...»

Она продолжает говорить, но у меня так шумит в ушах, что я ничего не слышу. Что за фигня? С колотящимся сердцем просматриваю комменты.

Только что загрузила!

OoOOOooooOOOoo как круто. Я тоже хочу узнать свое будущее.

ОМГ загружаю. «ПАКС» + наука??

Спасибо за то, что поделилась, @sosawyer,
звучит охренительно!

Нет. Нет, нет, нет. Я немедленно набираю сестре. Только сегодня утром она прислала мне сообщение с пожеланием удачи, добавив не менее пятнадцати тысяч смайликов.

Сойер, тебе придется убрать этот пост. Мое приложение — всего лишь школьный проект, им еще нельзя пользоваться. Я дала его посмотреть только тебе!!!

Проносятся секунды. У меня горит все тело. Рядом начинает похрапывать Эстер.

Но это же так круто, Ро-Ро! Оно предсказало, что я буду актрисой в Лос-Анджелесе, ты можешь в это поверить?

Вообще-то да, могу. Пока мне не исполнилось девять, Сойер жила в Свитчбэк-Ридж, а потом дядя Хардинг нашел новую работу в Миннеаполисе и перевез туда семью. С тех пор мы в основном переписываемся в мессенджерах или обмениваемся личными сообщениями в соцсетях, но, даже выражая эмоции пикселями, Сойер ухитряется делать это драматичнее всех моих знакомых.

Я не успеваю ответить, как она уже шлет новое сообщение:

Джози тоже в восторге.

Она уже записала сторис о приложении!

Я снова открываю соцсети и захожу в профиль Джози Свит, лучшей подруги Сойер. В прошлом году она выпустила свой третий альбом и вот теперь — кто бы мог подумать, — запостила сторис про «ПАКС». У меня со стуком отпадает челюсть. Строчу с бешеной скоростью, делая ошибки.

Боюсь, тебе придется все убрать, и попроси ее убрать тоже. Приложение еще не доделано Сойер серьезно.

Сестра отвечает, прибавляя три смайлика с глазками-сердечками.

А по-моему, очень даже доделано.

Посмотри, сколько человек его загрузило, детка!!!

Я лихорадочно открываю раздел аналитики и вижу логотип «ПАКС», сделанный Марен для моего дурацкого выпускного проекта, и двадцать шесть тысяч загрузок. Их число продолжает

расти у меня на глазах. Сорок четыре тысячи. Пятьдесят две тысячи.

К тому времени, как возвращается папа, осыпая прихожую гравием, принесенным на ботинках, загрузок становится сто девяносто две тысячи.

Мы смотрим друг на друга, и его брови озабоченно сходятся на переносице.

— Ро? — говорит он. — Что случилось?

Я снова перевожу взгляд на экран: двести тридцать тысяч.

Черт. *Черт.*

Моя мама была наполовину компьютером. По крайней мере, папа всегда описывает ее именно так.

Она выросла в Слейт-Лейк, курортном городке, который еще меньше, чем наш. В трех часах езды от Денвера, затерянный в горах, как галька на дне реки. Маме было двадцать два года, когда она появилась в «Бобах на озере» с рюкзаком за спиной и книгой об истории самого первого ноутбука «Эпсон НХ-20».

«Она читала ее как стихи», — рассказывал мне папа. Как что-то необыкновенно прекрасное.

Они поженились, когда ей было двадцать три, и стали родителями, когда ей исполнилось двадцать четыре, а к двадцати шести она уехала на другой конец страны, в Калифорнию, не прихватив с собой ни меня, ни папу, чтобы не висели на ней, как ярмо. Вернула себе девичью фамилию и растворилась на просторах неустанно разрастающейся Кремниевой долины. Время от времени я встречала упоминания о ней в разных статьях. Это всегда происходило неожиданно, оставляя ощущение, будто я случайно угодила пальцем в розетку.

Мне программирование тоже кажется прекрасным. Это у нас с мамой общее. А еще — я на нее очень похожа внешне.

В ящике папиного рабочего стола лежит их свадебная фотография, поблекшая и сложенная пополам, поперек их животов.

Они стоят на пристани через дорогу от кофейни, за галечным пляжем. Папа улыбается чему-то за кадром, но мама в белом платье внимательно смотрит прямо в объектив. Ее буйные кудри, совсем как у меня, освещены солнцем, и уже тогда — в этот особенный день — у нее такой вид, как будто она собралась уходить. Во всяком случае, мне, знающей о том, что она уйдет, всегда так казалось.

Рассказывая об этом, папа уверяет, что мама предлагала ему уехать вместе с ней. Но у него была кофейня, и мечта о ресторане маячила так близко, только руку протяни. А мне исполнилось всего два года, здесь жила вся моя семья, и что такого было там, в Калифорнии, чего не было у нас дома, среди наших гор? Но мама знала, как знаю теперь и я, — там было будущее. Мы не вписывались в ее представление о нем, и поэтому она ушла.

Она бросила нас совсем; отступления от этого правила случались лишь раз в году, когда точно, без опозданий, мне приходили подарки на день рождения. Шумные разноцветные роботы, которые научили меня блочному кодированию раньше, чем я начала читать. Настольные игры с названиями типа «Хакеры» и «Кодовый режим». Когда я подросла, учебники по *STEM*^{*}, а затем программное обеспечение для нашего с папой общего компьютера, который стоял в кабинете на втором этаже.

^{*} STEM-образование (Science, Technology, Engineering, Mathematics — наука, технология, инженерия, математика) — это комплексная модель изучения естественных наук и инженерных дисциплин.

В детстве я не догадывалась об истинном предназначении подарков — это была попытка мамы исподволь превратить меня в ее подобие; ежегодное орошение почвы, на которой должна была взойти я, достойная ее внимания. Я замечала лишь то, что эти подарки делали с папой. Видела, как при взгляде на обратный адрес он, всегда такой мощный и спокойный, сжимается, словно высохшая сосновая иголка. Становится чужим и колючим.

И, конечно, я притворялась, что мне не нравятся ее подарки, и прятала их под кровать. Едва заслышав на лестнице папины шаги, я выходила из присланной мамой обучающей программированию компьютерной игры. Ведь папа был для меня всем. Это он вместе со своим отцом и братом построил для нас летний деревянный домик; он возил меня по моим делам; он готовил мою любимую еду. Мы могли говорить с ним о чем угодно, и его любовь ко мне была подобна вечно продолжающейся беседе.

И только при воспоминании о маме он сникал и грустнел, как будто получил удар под дых.

Я ненавидела такие моменты, но все равно тянулась к миру, который открывала мне мама, — мне нравилась четкая логика построения программы, непостижимое компьютерное волшебство. Я скрывала это от папы; скрыла и то, что в одиннадцать лет впервые написала ей письмо.

Миллер прочитал его внимательно, высунув от усердия язык, и добавил недостающие запятые. Письмо получилось

длинное, изобилующее вопросами о жизни и заканчивалось трогательным: «Ты ко мне приедешь?», накорябанным дрожащей рукой.

Она не только не приехала, но даже не ответила. А потом мне исполнилось двенадцать, и вместо подарка мама прислала неподписанную открытку, в которую была вложена стодолларовая купюра. Наверное, я не оправдала ее доверие, сбив привычный ритуал и нарушив молчаливый уговор о том, что мы никогда не будем общаться. Я разрыдалась прямо на глазах у растерявшегося папы, а позже Миллер разыскал меня, всю в слезах и соплях, в лесу у нас за домом.

Я хотела отдать купюру ему, но он замотал головой и помог мне сжечь ее в охалке сухих, хрустящих сосновых иголок. С тех пор я раз в год получала открытку с купюрой, и мы вместе сжигали ее — пока однажды не перестали.

Жизнь шла своим чередом. Папа так и не переделал «Бобы» в ресторан; сначала потому, что дедушка любил кофейню такой, какая она есть. А потом, когда дедушка умер, папа не захотел ничего менять в память о нем. Мы отмечали в нашей кофейне все семейные торжества: дни рождения, юбилеи, праздники. Нам с Сойер всегда было уютно сидеть между моим папой и ее родителями. Папу и дядю Хардинга на фотографиях почти не отличить друг от друга, оба бородатые и высокие, как два дерева. Но Сойер переехала, мы с папой остались вдвоем, и на переделку кофейни теперь не хватало денег. Я видела, как папина мечта тает на глазах, в то время как мама где-то живет яркой и полной жизнью.

Я не хочу иметь с ней ничего общего, но любовь к тому, что любит она, у меня в генах. Это моя предсказуемая человеческая натура. Что поделаешь, я люблю программирование. Хочу переехать в Калифорнию и добиться чего-то в этом мире так же, как это сделала моя мать. До боли хочу доказать ей, что не нуждаюсь в ее деньгах, которые мы с Миллером превратили в пепел посреди леса. Что прекрасно обойдусь без нее. Что могу вернуть папе мечту, которую она у него украла.

Папе сейчас за сорок; если я не вмешаюсь, он будет откладывать свои планы до бесконечности. Возьмет кредит, который не может себе позволить, чтобы отправить меня в колледж. Потом будет выплачивать его всю оставшуюся жизнь, ни на минуту не покидая свой пост за кофемашиной. У папы все получается вкусным, у меня в детстве даже была такая игра — сначала у нас с Миллером, а позже с Марен. Мы находили на кухне самые странные ингредиенты и отдавали папе, а он каждый раз готовил из них что-то необыкновенное.

Вот и сейчас, когда у меня звонит телефон, он над чем-то колдует. Всего за сутки с того момента, как Сойер написала про «ПАКС», приложение загрузили девятьсот семьдесят две тысячи раз. У меня полетел сервер. Я не спала всю прошлую ночь.

Номер незнакомый, калифорнийский. Папа поднимает взгляд от болгарского перца, который нарежает кольцами. Я весь день пряталась от собственного телефона, но тут, дернув плечом, все же отвечаю на звонок. Привычно напрягаюсь — горло знакомо сжимается, как будто я вот-вот расплачусь от мысли: «А вдруг это мама?»

Но, конечно, это не она.

«Роуз? — Голос на том конце провода спокоен и серьезен. Я невольно выпрямляюсь, и папа вопросительно вскидывает бровь. — Это Эвелин Кросс из XLR8 в Маунтин-Вью. У вас есть свободная минута? Мы хотели бы поговорить с вами насчет «ПАКС».

Лес, который начинается сразу за нашим домом, — очень старый, и деревья в нем постоянно перешептываются. Ветер пробирается сквозь ветви по-особенному, играя дрожащими листьями осин. Вообще-то это не настоящий лес, там невозможно заблудиться, а если идти долго, то придешь к дому Джона Эйбла и его большая черная собака предостерегающе завоет с заднего крыльца. Так вот, если встать строго на полпути — в семидесяти двух шагах от нашего и от его дома, — станет очень тихо. Если же двинуться дальше, звук снова начнет набирать силу, как бывает, когда медленно крутишь колесико, меняя частоту в радиоприемнике. Только это уже совсем другой звук. «Там можно услышать, как бьется сердце земли», — сказал однажды папа. Я тогда еще была маленькая. И Миллер был с нами. Помню, как он прижал ладонь к усыпанной сосновыми иголками земле, чтобы почувствовать это сердцебиение.

Меня бесит, что лес все еще принадлежит нам обоим, что, находясь в нем, я снова думаю о Миллере даже три лета спустя после того, как он перестал со мной разговаривать. Вспоминаю отблески костра, пляшущие на его бледных щеках, отзвуки его смеха, подхваченные ветром, и упорство, с каким он всегда

держался рядом. Закрывая глаза, я вижу его растерянное лицо и впиваюсь пальцами в землю до боли в ногтях. Вижу его последний взгляд, после которого он больше ни разу на меня не посмотрел.

Осины колышутся на ветру и шумят, как океан, баюкая меня. Когда я задыхаюсь, когда внутри бьется крик, деревья успокаивают. Переключают легкие в рабочий режим, заставляя равномерно дышать и жить.

Утром в понедельник папа находит меня посреди леса, между двумя узловатыми деревьями. Я сижу на поросшей мхом земле, крепко зажмурившись, при макияже, в блейзере и тесных лодочках, одолженных Марен. Еще неделя, и начнется учеба, а у меня через час назначена встреча с XLR8. Миллер — последнее, о чем сейчас следует думать, и я напоминаю себе, что пришла сюда просто подышать вместе с деревьями.

— Будут пробки, — говорит папа. Он не из нервных, но все равно слегка оттягивает воротник. Я могла бы сосчитать по пальцам одной руки случаи, когда он надевал рубашку. — Пора выдвигаться.

— Угу, — отвечаю я, поднимаясь, и отряхиваю ладони, жалея про себя, что не могу взять с собой немножко этой земли.

— Ничего не забыла?

Мы переглядываемся. Солнце такое бледно-желтое, каким бывает только ранним утром в лесу.

— Ничего, — отвечаю я.

Я уже ответила XLR8 на все вопросы о «ПАКС»: целый час проговорила по телефону с Эвелин Кросс.

Благодаря Сойер моя школьная работа превратилась в серьезный проект. А когда к делу подключилась Джози Свит, все понеслось со скоростью лесного пожара, фото «ПАКС» засверкали в инстаграме, как искры. Я все выходные изучала сайт XLR8, читала и перечитывала их программное заявление, пока оно не отпечаталось на сетчатке: *«XLR8 помогает получить начальное финансирование и дает уникальные возможности начинающим предпринимателям, чтобы помочь им создать новое поколение инновационной техники».*

А я — предприниматель? Я создала «ПАКС», не выходя из своей комнаты, не вылезая из пижамы, с Эстер, дремлющей у меня на коленях. И именно сейчас XLR8 планирует расширяться и открывать филиалы в Колорадо. «Какая счастливая случайность, — сказала Эвелин. — У нас только-только заработал офис в Денвере. Заезжай к нам в понедельник, и мы обсудим варианты».

Наверное, у меня перехватывает дыхание от мысли об этих вариантах. Вдруг «ПАКС» выстрелит еще сильнее? Или... Я спотыкаюсь о древесный корень, и папа едва успевает меня подержать. Или не выстрелит?

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— В полном. — Вранье, конечно, но, надеюсь, мы оба в него поверим. — Все из-за этих дурацких туфель.

— Можешь снять их в машине, — говорит папа, глянув вниз.

Но тут мы выходим из леса и больше не произносим ни слова до самого Денвера.

Здание XLR8 — небоскреб у реки, его многочисленные окна сверкают, как солнечные блики на воде. Мы паркуемся на подземной стоянке, и папа протягивает мне парковочный талон, на котором нужно поставить отметку, одновременно указывая на меня пальцем.

— Смотри не потеряй, — говорит он, и именно это короткое предупреждение успокаивает меня после сорока минут молчаливой паники.

Вне зависимости от того, что будет дальше, на парковочном талоне все равно придется поставить отметку. Не все в жизни ново и пугающе.

Приемная белоснежная и гладкая. Никаких острых углов, ничего лишнего. На кофейном столике в зоне ожидания стоит монстера в горшке. «Это тебе не дома», — думаю я. Хочется потрогать монстеру, проверить, настоящее это растение или искусственное.

— Роуз? — Мы едва переступили порог, а в холле уже звучит мое имя. Секретарша спешит из-за стола нам навстречу, на ней низкие кеды и худи, красное, как запрещающий знак. — Мы так рады, что вы приехали. Я Миа.

Она жмет руку мне, потом — папе.

— Вы, наверное, отец Роуз?

— Единственный и неповторимый, — отвечает он, и я стискиваю зубы, чтобы не поморщиться.

— Могу я вам что-нибудь предложить, пока вы ждете Эвелин? Воды? Чаю? — Она показывает на стеклянную дверь, потряхивая собранными в хвост волосами. — Есть комбуча на розлив. С голубикой и лавандой, с ананасом и куркумой или с яблоком и имбирем.

— Вода — отлично, — говорю я, и папа кивает.

— Присаживайтесь. — Миа взмахом руки указывает на белый кожаный диван, и мы направляемся туда. — Я сейчас. Утреннее совещание у Эвелин уже заканчивается.

Я присаживаюсь возле папы, разглаживая блейзер. Папа протягивает руку к монстере и трет листок двумя пальцами.

— Искусственная, — говорит он с улыбкой, склоняя голову набок. — Но на вид как настоящая.

— Я думала, ты захочешь комбучу с ананасом и куркумой.

Он начинает смеяться раньше, чем успевает прикрыть рот ладонью. Тут у меня жужжит телефон, я достаю его из кармана и вижу, что это Марен:

Все самые лучшие пожелания во вселенной! Но, думаю, благодаря моему потрясному логотипу договор будет подписан, так что волноваться не о чем!

Я не успеваю ответить, Миа уже возвращается с водой и ставит стаканы на салфеточки перед нами.

— Спасибо, — говорит папа.

— На здоровье, — щебечет она перед тем, как скользнуть за свой стол.

— Здесь как на космическом корабле, — шепчет папа.

Убирая телефон в карман, я думаю только о том, что в следующем году это может стать моей жизнью. Что я буду приходить сюда каждый день. За стеклянной дверью видны длинные ряды столов, поставленных так, чтобы сотрудники сидели лицом к окнам, за которыми величаво высятся вдали зубчатые вершины гор. Все места заняты, люди в наушниках сосредоточенно смотрят в мониторы. Низкий гул голосов слышен даже отсюда. Работа идет слаженно, как в улье. А вот и королева пчел.

На Эвелин Кросс комбинезон цвета ржавчины. Светлые прямые волосы коротко острижены. В одной руке у нее планшет, другой она открывает стеклянную дверь. При виде меня ее лицо рассекает улыбка.

— Роуз Деверо, — произносит она. Ее голос звучит более властно, чем по телефону, как у человека, привыкшего, что ему подчиняются. — Эвелин. Мы безмерно рады, что вы здесь.

— Я тоже рада, — отвечаю я, и это чистая правда.

Меня охватывают самые разные чувства и ощущения — волнение, недоверие, смущение, тошнота. Я сглатываю. «Еще не хватало, чтобы тебя тут вырвало. Не смей».

— Пит, — говорит папа, когда Эвелин пожимает ему руку. — Спасибо за то, что пригласили Ро.

— Это нам надо ее благодарить, — отвечает Эвелин, распахивая перед нами другую стеклянную дверь. — Присоединяйтесь, пожалуйста. Все уже собрались.

Все? Эвелин проводит нас в конференц-зал, где уже сидят человек двадцать.

Как только мы с папой усаживаемся на свободные места у стола, все кресла поворачиваются к нам.

— Знакомьтесь, это Роуз и Пит, — говорит Эвелин.

Она садится во главе. Перед ней стоит высокий узкий стакан с водой, а в центре стола — стеклянный графин с водой и ломтиками фруктов: лимонов, лаймов, мандаринов. Мне вроде и хочется налить себе, но я не смею шевельнуться.

— Роуз, это твоя будущая команда. — Эвелин обводит собравшихся широким жестом.

Я перевожу взгляд с человека на человека, и все расплывается в улыбке. Меня сразу охватывает искреннее и отчаянное желание стать одной из них. Все они в футболках, с крутыми часами, в очках с толстыми стеклами; у половины есть татуировки.

— Точнее, часть команды, — добавляет Эвелин. Обернувшись, она взмахом указывает на стеклянную стену, отделяющую нас от зала, где стоят столы сотрудников. — Наше отделение в Денвере занимает три этажа, и один из них будет выделен под работу над «ПАКС». — Она смотрит прямо на меня; взгляд у нее внимательный и острый, как у птицы. — Полностью.

Я нервно сглатываю.

— Это сколько человек?

— Около пятидесяти. Конечно, мы найдем сотрудников дополнительно. Совет директоров планирует набрать три команды: здесь, в Денвере, а также в Лондоне и Шанхае. Будем работать над «ПАКС» круглые сутки семь дней в неделю.